

МИХАИЛ
АСЛАМОВ

ЗЕМНАЯ
ОСЬ

МИХАИЛ
АСЛАМОВ

ЗЕМНАЯ ОСЬ

СТИХИ

Хабаровское
кижное
издательство
1976

P 2
A 90

A $\frac{70402-36}{M160(03)-76}$ 29-76

© Хабаровское книжное издательство, 1976

* * *

Спи, доченька. Тихо. Усни.
Звезда за окошками плещется.
Чуть слышно скрипит на оси
Земля — колыбель человечества.

Оно, наигравшись с бедой,
Безбожно крещенное танками,
На счастье твое
 под звездой
Поставило свечку в Останкино...

БИРА

Виктору Астафьеву

Засмущаюсь в дороге прогонной,
Словно что-то исполнить пора,
Всякий раз, как в окошке вагонном
Обозначится слово — БИРА.

Что исполнить — давно мне известно,
Оттого и смутилась душа,
Что и ныне вот
данную местность
Проскачу, неприлично спеша.

И опять за делами своими
Позабуду ее вдалеке,
Вспоминая короткое имя
В подорожном казенном листке...

Вот нагряну, надеялся, в отпуск,
Похожу от крыльца до крыльца,
Феофана Асламова отпрыск —
Может, кто-нибудь помнит отца?

Кто там помнит? Прошло
столько лет уже,
Он тут пожил — как будто в гостях:
Рвался к морю да баба
последышем
Разрешилась в пути, второпях.

Ах, отцы!
Точно шанежка сладкая,
Тяга древняя к дальним краям...

Становились нам станции
бабками
Повивальными, их сыновьям.

Как там было, в предпамятной дали?..
Но я знаю: как только могли,
Эти станции нас
обряжали,
Эти станции нас
берегли.

Всем, что было, умели делиться.
От душевной своей доброты
Теплым мякишем в чистой тряпице
Затыкали голодные рты...

На перроне стою виновато,
Словно ласкою мать обделя...
Сладко-сладко
мазутом и мятой
Пахнет раннего детства земля.

Вот и колокол вызвонил зычно
Отправленье.

Составу вослед
Покачнулась Бира,
словно зыбка,
Из которой я выполз на свет...

Текли
 эвакуации
Сквозь зиму поезда...
Вдруг —
 трелью с вариациями
Песенка дрозда!
Откуда она,
 чистая,
На станции, зимой?..
Но весело
 насвистывал
Скворчонок расписной!
— Эх, спойте,
 птицы вешние, —
Приплясывает дед, —
Те песенки
 безгрешные,
Каких на свете нет! —
Он дует в них,
 он будит в них
Певунью-струну...
И люди
 в том небудничном,
Весеннем плену
Притихли, изумленные:
Ну и артист!..
Уходят
 просветленные,
С собой уносят птиц.
И дед уйдет...
 А с вечера

До утренних зарниц
Из глины,
 звоном меченной,
Лепить он будет птиц.
Опять избу скрипучую
Минуют ночью сны...
Живет
 душа дремучая
Предчувствием весны.
Под всхлипы
 ночи горестной,
Назло тебе, печаль,
Дед будет
 в чистой горенке
Птиц песням обучать.

ПЕСНЯ

Ни словечка в этой песне.
И откуда вдруг взялась?..
Может, песня
с поднебесья
Прямо в душу пролилась?

Вот живешь, здоров и весел,
Средь забот, друзей и книг
Под сурдинку
 шлягер-песен,
Но в какой-то смутный миг
Вдруг услышишь с острой болью,
Задыхаясь, трепеща, —
То ли ветер в чистом поле,
То ли дочка у плеча?

То ли дочка у плеча?
Или так,
от всех скорбей,
Пела мать — да ни словечка
Не запомнил — хоть убей!..

ТАК ОНИ И ЖИЛИ...

Какие мне, бывало, снились сны
Военною зимой перед рассветом!
В них таяли на языке конфеты,
В них запах щей торжествовал мясных!

В них я парил над бездной, невесом,
Когда вдруг, сотрясая мирозданье,
Гудок врывался в мир без опоздания —
И чашкой об пол разбивался сон...

«Вставай, сынок», — зовет чуть слышно мать.
«Пора, работник!» — слышу глас отцовский.
И в полусне тяну к себе спецовку,
И покидаю сладкую кровать.

Напутствует в дорогу Левитан,
Я правлю фронт на карте из картонки.
Лепешки

из мороженой картошки
Засовывает мама в мой карман.

И — в темень с головой, и вот — бегу...
Ах, только бы скорее победили!
Еще гудок — и кромка «победита»,
Упрямая, врезается в чугун.

Мы точим мины — фронтовой заказ.
И про себя я начинаю думать —
Прикидываю, сколько может «сдунуть»
Фашистов мой один такой фугас,

Подсчет меня ужасно веселит,
Насвистываю что-то вдохновенно...
Но — как длинна ты,
фронтовая смена!
И гнет она, и плакать не велит.

Но плачу я.
В том нет моей вины,
Что щи пусты, а сам я — не двужильный!..

Вот так они, мне помнится,
и жили,
Твои, Россия, малые сыны.

Война в начале только.

Я в тылу —

Неопытный еще, неогрубелый.

Но — фронтовик, оттуда,

самый первый,

На костылях проходит по селу.

А помнится, был вздорным мужиком!

И до войны среди ловцов бывалых

Всерьез не принимался.

«Поддувалом»

Его дразнили. Был он печником...

На первозданной белизне зимы

Казался он подбитой серой птицей.

Смотрел, не узнавая, в наши лица...

Он явно знал, чего не знали мы.

И вроде стал он приходить в себя,

В кругу односельчан у скудных рюмок.

Но, волосенки сына теребя,

— Я в и д е л смерть, —

сказал он вдруг угрюмо.

И смолкли все. И, чем-то смущены,

Ловцы, не раз гостившие у смерти, —

Они в глаза ему

смотреть не смели.

— Он видел с м е р т ь! — шептались пацаны.

ЧЕРЕМУХА

Брату Алеше

Над сопками и над слияньем рек
Всходило солнце, рассыпая радуги,
И зернышком в прозрачной виноградинке
Угадывался в утре
 человек.

Вот мостиком прошел он над рекой...
Он что-то нес: оно белело, пенясь.
Легко сбежал с пригорка,
подбоченья —
Так неуклюже! — правой рукой.

Он подходил — и смог я различить:
Черемуху он нес, по-детски кроток,
Так нежно и с опаской,
СЛОВНО КТО-ТО
Хотел его с букетом разлучить.

Он в левой нес. А правая, была...
Да у него и не было-то правой:
Рукав пустой был под ремень заправлен...

Ах, как в тот год черемуха цвела!

С нелепо укороченным плечом
Шел человек. Он явно волновался.
Он будто открываясь, улыбался
И припадал к черемухе лицом.

Шел у домов, охрипших от забот,
Ларек минуя, голубой, как небо,

Где очередь ждала угрюмо хлеба...
С черемухой.

На солнце.

На восход.

И были удивительно легки
Его шаги. И — набекрень фуражка.
И женщина в толпе
вздыхала тяжело
И все глядела вслед из-под руки.

Смотрели дети, вдовы, старики —
Так удивленно, будто бы впервые
За всю войну
ликующе живые
Черемуха роняла лепестки.

СТОРОНА ДОРОГАЯ МОЯ...

Сторона дорогая моя, это ты ль?..
Здесь, где дождики мыли полынный пустырь,
Вместо стареньких изб непорочных —
Совершенство домов шлакоблочных.

Все, что было, то сплыло, как смыла река...
Из-под наимоднейшего козырька
Клуб — преемник бараков прогорклых,
На окрестность взирает с пригорка.

И поселком родным я брожу изумлен.
Только столб телеграфный от старых времен —
Долгожитель, безмерно уставший,
С поперечинкой, косо свисавшей.

На подпорке стоит инвалидом седым.
Я-то помню,
я помню его молодым!
Возбужденный струной напряженной,
Гулким раструбом вооруженный,

Он на всю-то округу и пел, и вещал,
И на тайные думы людей отвечал —
Над толпою, где хлебный ларечек
(Жив ли муж, а у этой — сыночек...)

И старухи, не веря уже в ворожбу,
Стариков выгоняли: сходил бы к столбу!
И стекалось от шатких крылечек
У столба поселковое вече.

А слова — точно гири в толпу со столба!
И стонала от тяжких ударов толпа.
И стонала, и губы смыкала,
Так, что гневом душа закипала.

А потом — а потом ликованья слова!
Словно птицы из щедрого рукава!
Победителей памятный митинг...
Вот какой этот столб знаменитый!

Столько видеть и слышать ему довелось!
Видно, время в его сердцевине спеклось —
Коль уж дожил он до новоселов,
Он один из собратьев веселых.

А к столбу вдруг лихой сорванец подбежал,
Он в руке круглый камушек крепко держал —
И пристукнул
 небольшо и глухо
По столбу, и приник к нему ухом.

Стукнул снова и снова, чтоб гул не затих.
Изумленье пылает в глазенках святых!
Словно с ним собеседник занятный
Говорит,
да язык непонятный.

— Что там слышно? — я спрашиваю врасплох.
Он глядит отрешенно, как будто оглох,
Или чем-то плохим укорили...
— Почему этот столб не спилили?

— У него и спроси, он и сам не немой, — Я ответил.

А он мне: — Ты хи-и-трый какой!
Ты волшебник?
— Ну, да. Настоящий.
Покровитель столбов говорящих...

На первом
 всплеске вдохновенья,
Почти с умением говорить,
Как снизошло,
 пришло умение
Тугие луки мастерить.

И в весны светлые и полые
Скворцам вдогон из-за ствола
Взлетала радостная,
 подлая,
Неотвратимая стрела.

И птицы горько
 крылья вскидывали,
Уже предчувствуя конец.
За что мне сверстники
 завидовали
И крепко драл меня отец.

Вот так творил я зло
 безгрешно.
Теперь, сквозь призму горьких дней,
Мне все понятней...
 А скворечни
Я мастерил уже поздней...

ОДУВАНЧИК

Во что играет этот тихий мальчик?
Наверное, «в себя» играет он,
Когда срывает

легкий одуванчик

И обдувает с четырех сторон.

И кружится тычинок рой несметный,
Не в силах невесомость одолеть...

Несметно их, а потому —

бессмертен

Веселый одуванчик на земле!

Заманчива судьба его, заманчива:

Вновь по лугам взойти и по лесам...

Играет мальчик.

И от одуванчиков

Седым-седа могила партизан.

На трюме баржи спал я.

Снилось мне

Не помню что, но хохотал до колик,

Как над увещеваньем — алкоголик.

И в море рухнул, хохоча во сне.

И — с головой, а снилось — к облакам!

И вынырнул с улыбкой идиотской...

И благо, парень со сноровкой флотской

Меня узрел — везет же дуракам!

Спасая, время он не расточал

И так хватил багром по пояснице,

Что в миг прозрел я:

это же не снится!

И уж тогда — «Спасите!» — закричал.

Мне кажется нестойкой тишина.

И не пойму:

а что меня тревожит?

Вон дед у прясла лошадей треножит —

Быть может, он мне объяснит сполна?

Дед говорит:

— Стреножу лошадей

Да на ночь — в поле. Ночью травы волглы...

Да вот беда — пошаливают волки, —

Закончил он, копаясь в бороде.

Понятна мне твоя тревога, дед,

Хоть мне с того не легче и не проще...

Вон женщина в реке белье полощет —

Быть может, даст мне женщина ответ?

— Чудной вы, право! — вскинула глаза. —

Вот высушу да обряжу ребяток,

Белехонькие станут, что опята!..

Да видишь, собирается гроза...

И что выходит?

То, что говорят:

Белье просохнет — обошел бы дождик,

Вернутся кони сытыми под вожжи,

Конечно, если волки не съедят.

Но женщина, в преддверии дождей,

Управиться со стиркой поспешает,

И дед, уйдя в ночное, помешает

Зарезать клятым волкам лошадей.

И я ушел к дороге через лог,
И все не отпускала мысль простая:
Ведь древо тишины
 произрастает
Из наших с вами за нее тревог...

— Перекур!..

Утираючи пот,
Поработав и всласть, и толково,
Собирается в кучку народ
Подымить, переброситься словом.

А о чем разговор?

Да о том,
Что хлеба нынче — на удивленье,
За грибами б собратья гуртом,
И к тому ж — о секретах соленья.

Так текла бы себе и текла,
Словно тихая речка, беседа...
Поднялись.

От людского тепла
Отпотела поверхность торпеды...

ЧИСТИЛЬЩИК

Он — чистильщик.
Он говорит: «Почистим?» —
Сгребает ваксу
В цепкие ручищи,
И вспархивают щетки,
Как грачи.
И сам он — словно грач,
Тяжел и черен,
Которому, надолго опечалив,
Весенний ливень
Крылья размочил.
Почистив — ждет...
И снова оживает —
И снова птицы крыльями стригут!..
И говорят — он крепко
Зашибает
На этом деле
Грешную деньгу.
Завистники
За этим видят дачу,
Как и всегда на выдумку легки.
Но вышло так, что мы его
Богаче.
Как ни старайся он,
А мы богаче,
Уж так пришлось,
На целых две ноги...
Он — будто в землю врос
И не подняться,
Подоткнуты штанины под ремень...
Они ему, должно быть,

Часто снятся —
Горячие,
В переплетеньях вен.
Ах, эти сны!
Безжалостны, как обух.
Но разве их переиначишь,
Сны?..
Он в каждом сне
Под вывескою «Обувь»
Простаивает долгие часы.
Какая тьма
Расцветок и фасонов!
Он начинает жадно примерять
И... медлит. Да...
А медлить нет резона!
И по матрасу шарит,
И спросонья
Он что-то долго силится понять...
А может быть, —
Уже который год! —
Ему все снится поле
И окоп.
И пляска мин,
И властный крик призыва.
Бросок.
Еще бросок...
И — вспышка взрыва!
И далеко отброшенный сапог —
Такой знакомый
И кровоточивый...
...Я шлепаю по лужам
Парой ног.
Ботинок ставлю лихо
На приступку —

Разношенный, разбитый,
Как рыдван.
А он качает головой:
«Преступно
Так относиться к собственным ногам...»
О чем-то думает,
Роняет крем сапожный
И говорит растерянно:
«Вот дожил!
Все валится из рук...
Ты помоги...»
«И сколько вам
За все?»
«А много можешь?» —
Пронзительно глядит из-под руки.
Я ухожу.
И пристыжен, встревожен,
Я как-то странно думаю,
Что все же
Какое счастье —
Целых две ноги!..

ИЗ «ХРОНИКИ ПАМЯТИ»

* * *

Мальчишка спит.
Как будто на лету,
Уже вконец измученный полетом,
Он выпал все же
Из круговорота
На крышу «Фотографии»
В порту...

Спит пассажир.
Фонарный зыбок свет.
И над землей —
Туманно и тревожно.
И сны его туманны.
И надежно
Зашит в подкладку пиджачка
Билет...

Медлителен в круженье
Шар земной,
А крепко же мальчишку укачало...
Под чье он попадет теперь
Начало? —
Он,
Рассчитавшись с мировой войной?..

Край неба начинает розоветь.
Пусть он поспит
Перед дорогой долгой...
Как гонит жажда

Вновь вгрызаться в догмы
И жадно в рот учителю смотреть!

И отдал —
И не дрогнула рука! —
За проездной билет
Паек на рынке...
То не над ним
В ночи рыдает
Рында.
Но — бог храни
Подкладку пиджака!

ПОИСК

Из спеси ли
 он мерит веси,
Или для дела не созрел?
Мир тесен ли?
 А может — пресен?..
Но есть же этому предел!

Что ищет?
 Даровую пищу,
Жизнь беззаботную любя?
Бывает так...
 А может, ищет
Он настоящего себя?

Того,
 который, брат, такое
Талантливое сотворит!..
Такое...
 А оно какое
На вкус, на запах и на вид?

Вот снова —
 словно канул в воду...
Ага, откликнулся на зов!
Но как!
 Провозгласил свободу
От всех и всяческих оков!

Со мною, дескать, не шутите!
Исчез.
 Но вот опять возник...

Еще он молод.

Не спешите

Его схватить за воротник.

Ему оплошка — не в оплошку,

И впрямь — не ведом потолок.

И на ходу горят подошвы,

Да вот разуться невдомек.

Пускай потычится незряче,

Сухим не выйти из воды.

Еще однажды он

заплачет

От счастья или от беды...

ИЗ «ЧУКОТСКОГО ДНЕВНИКА»

* * *

Явившись вдруг,
Как вынырнув из тьмы,
Он мне с порога заявил:
— Мир — чуден! —
А вынырнул-то
Из крошечных буден,
Из суматохи, спешки, кутерьмы.

И сгинул вновь —
Едва набрался сил, —
Чтоб истиной порадовать:
— Мир — красен! —
Как будто был
Не на колымской трассе,
А где-то по курортам колесил.

Чудак —
Он вечно так вот.
Он таков,
Что дают коммунальные услуги
Его, как лошадь дикую —
Подпруги...
Неужто нет оков
Для чудаков?

А видно, стало не в чести —
Брести
Обочиной.

И каждый озабочен
Не тем,
Что вот забор, мол, скособочен,
А как бы все заборы
Поснести!

Любите простые ремесла!
Рубанок бери не спеша,
Почуяв, что явно примерзла
К невидимой тверди душа.

И коль тебе некуда деться
С твоей мировой тоской,
То значит, пора разогреться,
Трудясь над кривою доской, —

Чтоб потом бы вышла хвороба,
По капле, на теплую гладь
Доски,
 что годится для гроба
Несчастьям, отхлынувшим вспять...

Пусть будет тоска тебе — пристань
Для малых, несуетных дел,
Что, в бытность свою оптимистом,
К душе подпускать не хотел.

Быть может, и мысли простые
Придут за простым ремеслом:
Мол, сам я себе опостылел,
Но только не рано ль на слом?

И может, под говор долотца
Тебе, нарушая запрет,
То самое вдруг
 отзовется,
Чему и названия нет?

И в ночь, засыпая со всхлипом,
В делах непривычных разбит,
Ты вздрогнешь от дальнего скрипа:
Не ось ли земная скрипит?

«ЗЕЙСКАЯ ТЕТРАДЬ»

1. К СПОРУ О СЛАВЕ...

Вот где припомнилась
наша возня,
Громкие споры, —
Здесь,
где лютует
извечный сквозняк
Зейского створа.
Здесь,
где в морозной ночи котлован
Дышит с надрывом,
Верить привыкший
не громким словам —
Мощности взрывов.
А под ногами
шуршит неземно
Смерзшийся гравий...
Вот где
вернуться мне нынче
дано
К спору о славе.
Спорили
в поисках тайных глубин
Артезианских...
Надвое
фарами МАЗ разрубил
Мир марсианский...
Что она, слава?
Не знаю, уволь.

Славен я не был.
Звездочка славы —
 надежда и боль,
Вызрела в небе.
Ты ли причастен
 этой звезде,
Зыбко манящей?..
Это
 работает
 на высоте
Электросварщик.
Меньше всего он
 похож в этот час
На исполина.
Звездным огнем
 сочленяет каркас
Зейской плотины.
В ночь
 подниматься
 в морозную высь
Кто приневолил?!
Видимо, славы
 загадочный смысл
Не в ореоле.
Сварщик подносит
 свой электрод
К стыку металлов...
Может быть, слава —
 огненный плод
Мощи накала?
Что порожден
 в эпицентре страстей
Под электродом
Магии славы?..

А может быть, ей
имя — Работа?
Может,
не ведая даже о том,
Денно и ночью
Славу
замешивают,
как бетон,
Круто, чтоб — прочно?
Так,
как с вибратором
в сильной руке
Этот вот парень
Месит
бетонный «калач» в тепляке,
Пышущий паром?
Больно прикусывая губу
И некартинно —
Словно замешивает
судьбу
В тело плотины!
Можно ли
жизнь свою
крепче связать
С делом достойным?
Слава — коль вправе
однажды сказать:
— Я э т о строил!
Чтоб на краю,
когда жизни — в обрез,
Думалось сладко,
Что воплотилась
в Зейскую ГЭС
Жизнь без остатка!..

II. ПЕРЕКРЫТИЕ

Было все, как по заказу:
Даль, насквозь открыта глазу —
Голубое с молоком.
Свет неярк и рассеян,
И тянуло вдоль по Зее
Уж предзимним холодком.

Со штабной высокой башни
Открывался день вчерашний —
Котлован, быки, мосток...
С двух сторон застыли плесы
И в проране безголосо
Бился бешеный поток.

Там для армии ударной
Подготовлены плацдармы —
Предстоит нелегкий бой.
Берега могуче сдвинув,
Весь нацелен на стремнину.
Всею техникой — ГЭСстрой.

Это значит — панорама.
И сюда, поднявшись рано,
Шел народ, денечку рад:
Шел монтажник и бетонщик,
Сварщик шел и с ним дотошный
В паре праздничной прораб.

От столовой той, у створа,
Что и названа — «У створа»,
Между ними шел и я.

Шел, прислушиваясь чутко
К разговорам, прибауткам,
К звукам начатого дня.

Мастера... На них, не скрою,
Все стандартного покроя —
Строго, чисто, как все мы.
Что-то их, таких, однако,
От залетного зеваки
Отличало, черт возьми!

Парень вот — как будто сонный,
В пиджачке не по сезону,
С виду тихонький такой.
Но идет — вразвалку, сочно,
Словно пробует на прочность
Эту землю под ногой.

Разбираться начинаю:
Ведь земля-то насыпная!
Он — уже который год! —
Намывал ее, родную,
На ветру на стылом днюя
И ночуя, коль прижмет.

Для плотины?

Для плотины.

Заплатили?

Заплатили —

«Тети-мети», дунул — нет.
Но, смиряя зейский норев,
Для себя намыл опору
Он с запасом на сто лет!

Это был такой экзамен!
Но какой намыл фундамент
Он под жизнь свою зато!..
Был бы ты умен да кряжист
Жизнь еще навалит тяжесть —
Упереться бы во что!..

Натянулось время тонко,
И капризного ребенка
Уговаривала мать:
«Ну, не плачь!
Ведь ты мужчина!
Подожди, сейчас машины
Будут камушки кидать...»

«Приступить!..» — из штаба тут же —
Угодить мальчонке нужно? —
Хрипло брошен был приказ.
Весь в плакатах, тих и кроток,
Взвыл на полных оборотах
У прорана первый КрАЗ!

С полной выкладкою ладно
Развернулся, чуть парадно,
И пошел на Зею задним
(Зея, ты не обессудь!).
И на самом на откосе
Поднатужился — и сбросил
Глыбу в гибельную муть.

Брызги веером взметнуло,
Словно глыбой той замкнуло
В желтой глубине провода.

И откликнулся — под током! —
Берег весь единым вздохом,
И в разгар пошла страда.

Шли с нагрузкою предельной
Мощно, весело, артельно
Самосвалы на проран.
Монолит за монолитом.
Ревматически сердито
Весь скрипел подъемный кран.

А толпа поднапирала —
Под колеса самосвала! —
Любопытно — хоть убей!
И выкрикивал над нами
Хриплым голосом динамик:
«Уберите же людей!»

А в сторонке на припеке,
Под стернею рыжей щеки,
Под шапчонкой волос бел,
Дед стоял, напружив выю,
И на все дела мирские
Немигаючи глядел.

Он о чем, сутулый, тощий,
Потрясенный этой мощью,
Думал, зейский старожил?
Разобраться ли пытался?
Или с чем-то расставался,
Чем так трудно дорожил?

Здесь, на матушке на Зее
Он охотился и сеял.

Он — хозяин. Мы — в гостях.
Кожей, сорванной с затылка,
Сердцем, выстуженным пылко,
Болью в ломаных костях —
Помнит он ее, паскуду,
Ей, владычице, подсудный,
Ну, а жизни-то — в обрез.
Нынче ж вот она — плотина!
Значит, крест на все стремнины
(И на молодости — крест?..).

Как тебя река мотала,
Словно был ты из металла,
Глупый парень, имярек!
Чтоб вдолбить в башку тупую
Эту истину простую:
«Паря, ты ж ведь — человек!»

Жизнь твоя текла полого,
Стала — Зеей на порогах, —
Черту б голову свернул!
И с жестокой зейской страстью —
Страх в кулак, а сердце настезь —
В революцию нырнул...

Продолжалось перекрытье
В ритме строгом, чтоб — без прыти,
Неуклонно дело шло.
(Хоть поток еще был грозен,
И заносчивый бульдозер
Отломил себе крыло...)

Как вас бьют и учат реки,
Люди, люди — человеки,
Чтобы все — наверняка.

Словно б так и было сроду:
Вы энергию народу,
Вам энергию — река.

Вот законный сын эпохи,
Сам начальник стройки Шохин —
В нем напора — за троих!
Словно б в нем умно запрятан
(Вот хитрец!)

аккумулятор —
Электричество в крови!

В ней — порывы вьюжной пляски,
Ледяной сквозняк ангарский,
Той, большой плотины ток.
Там он так «подзарядился» —
Точно заново родился,
Чтобы — Зею поперек!..

Он летит вперед пружинно
В грозном грохоте машинном,
Как река на быстрине!
Весел взгляд, а шаг широкий,
Ритм «отмахивая» стройке
(А быть может, и стране?..)

Но пока мы — суть да дело,
Рать машинная гремела
В брызгах, копоты, в пыли,
Хоть не так уже и браво
Бригадиры — левый с правым —
Эту рать вперед вели.

Но флажки взлетали часто,
И уже пунктир угластый

Горловину рассекал.
Солнцем высвеченный медно
Камень с надписью: «...последний...»
Чаще взоры привлекал.

И уже в людском заторе
Теле-
 фоторепортеры
С помощью локтей и плеч
Пробивались ближе к кромке,
Чтобы, выбрав «точку съемки»,
Все, как есть, запечатлеть.

Выбрать «точку» — вот загвоздка,
Чтобы правда вся без лоска,
А за ней — зари полоска...
Перспектива чтоб видна!
И подумалось с обидой
Мне о грешных нас, кто видит
Жизнь все больше из окна.

С этой «кочечки» обзора
Перспектива — до забора,
И в столице, и в селе.
Вон сидит в окне домашнем —
Терпелив, как червь бумажный,
С тяжелой думой на челе.

Тишь да гладь, к тому ж тверезый,
И конечно, музы, грезы
Не обходят и его:
Даль. Мужик... Петух на прясле...
Ерунда на постном масле...
Впрочем — мало ли чего!

А сквозь этот мощный рокот
Кто услышит райпророка,
Твой писклявый голосок?
Докричится, может, Муза,
Ну, до местного Союза
И — в песок.

И в песок да с тем и канет...
Но уже «последний» камень,
Как резерв, вводили в бой.
В тишине, столь непривычной,
С ним отъехал к перемычке
Самосвал передовой.

Исторически торжествен,
Бригадир широким жестом
Камню место указал.
И скользнул он вниз покато,
Сверху плюх — и дело свято
(Чтоб потом — на пьедестал!)

И — «У-ра!» — пошло над плесом
С перемычки и с утесов,
И ударили гудки.
Разрывая воздух стылый,
Обнимались там, на стыке,
Покорители реки.

А река под их ногами
Билась слепо ручейками —
Зея, ну теперь держись!
Ты еще взрешь турбинно,
Чтобы мощь твою рубильник
Подключил на коммунизм!

III. ОРКЕСТР ЗАМОЛҚ...

Оркестр замолк,
 угасли речи
Над гладью укрощенных вод.
Уже иному дню навстречу
От Зеи двинулся народ.

Уже, спеша, начальник стройки
Гостей высоких провожал.
Меня ж — как будто голос строгий,
У котлована задержал.

Как будто, ото всех в сторонке,
Хотелось, точно на меже,
Испить минуточки негромкой
Моей взволнованной душе...

Внизу дорогой обновленной,
Уже отныне на века,
Поверх механики бетонной
Катила тихая река.

И мысль пришла, как бы некстати,
Без связи видимой прямой:
Не так ли время ходко катит
Поверх Истории самой?

И в то же самое мгновенье
Свершила память свой вираж,
Напомнив тот,
 о затопленье
В газете местной репортаж.

Писалось в нем, что перед тем как
Заполнить воде нутро,
Туда веселый кто-то

«в темпе»

Доставил с краскою ведро.

И тут же кисти замелькали —
Для дела красочки не жаль!
И за мгновение блоки стали —
Точь-в-точь — как некая скрижаль.

Хотелось каждому — ведь строил! —
Там расписаться от души,
Хоть было ясно:

Зея скроет,

И тут — пиши иль не пиши...

Гремели рядом самосвалы,
Дышала свежестью река...
Но почему так взволновала
Меня газетная строка?

Не в том ли счастье —

расписаться

На стенке будущего дня?

Как будто с чем-то

рассчитаться

Во имя будущего дня!

И словно бы туман растаял —

И вот он, близок и знаком,

Солдат

выводит на рейхстаге

Свою фамилию штыком.

Он шел сюда от Сталинграда,
Чтоб расписаться под чертой...
Ее заделали, как надо,
Ту роспись, краской непростой.

Но тот солдат, как есть — обычен,
Ее в трудах

превыше сил
Такою славой возвеличил,
Такою кровью оплатил,
Что никакой гранит
не скроет,
Не смоем никакой водой.
Затри — она проступит кровью.
Разбей — она взойдет звездой!

Так думал я.

А солнце ровно
Всходило в полдень. И, вольна,
Поблескивала Зоя — словно
Светились надписи со дна...

IV. ПРОРАБ СМОТРЕЛ ПЕЙЗАЖ ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ...

Прораб смотрел пейзаж индустриальный...

На полотне из хаоса земного
Взмывали дерзко проливные стены
Строения,
Похожего на куб.
Чем будет куб — неважно,
Может, клубом.

Зато художник явно был в ударе:
При всей незавершенности строения
Угадывались
И великолепии,
И грандиозность замысла творца.
И возводивший на своем веку
И города, и мощные плотины,
Прораб, сопя,
 заметно потрясенный,
Стоял перед огромным полотном.
Он все, казалось,
Собирался с духом
Задать вопрос — и вот уже, решившись,
Спросил он,
С практикой соотносясь:
— Кто, извините, строит сей объект?
Художник был шокирован вопросом.
Он оглядел невзрачного прораба
И пальчиком по полотну пристукнув,
Ответил со значением:
— Человек!
Прораб, вплотную к полотну приблизясь,
Стал пристально,
С великим любопытством
Разглядывать среди хаоса фигурки,
Все поправляя на носу очки.
И вот,
Не в силах совладать с волнением,
— Букашечки! — он жалостно промолвил. —
Гляди-ка ты,
Неужто они смогут?..
И лысину платочком промокнул.
И неопределенно усмехнувшись,
Сказал художник с важностью Эвклида:

А потом — сорвались — и сердито
Загадели вдруг наперебой:
Дескать, хватит. Со стройкою квиты.
И — пора, ребятишки, домой...

С настроением явно подавленным
Слушал я — и чего так орут?
Уезжают ребята в Молдавию
(А на стройке б сказали — бегут).

Расквитались ребята со стройкой,
Ты их, стройка, обратно не жди...
Ну, а стройке подай
водостойких,
Потому что на стройке дожди.

И когда я осваивал кратер
В арматурной чашобе на дне,
Их слова,
как включенный вибратор,
Отдавались боляще во мне:

— И за эти-то гроши? Простите!..
Зея может простить, ей не в стыд.
Вы летите, ребята, летите,
Да Молдавия вас не простит.

Потому и жалею вас, зная,
Как она, под великой грозой,
Прикипела к амурскому краю
Несгорающим сердцем Лазо.

И поверьте — в смертельной пороше
Различая грядущие дни,

Видел он, извините, не «гроши», —
Гидростанции Зейской огни!
А словесная та перепалка
Не закончилась, чтоб — по рукам...
Не доспорили.

Так было жалко!

Жаль, что в разные стороны нам...

VI. КОНЦЕРТ

Гудел агрегат под нагрузкой,
Спешил к потребителям ток,
А в клубе по случаю пуска
От песен дрожал потолок.

А в клубе сошлись, разодеты,
Работники всех отраслей.
И жены.

А также и дети, —
А как обойтись без детей?

Концерт был на уровне клуба.
Еще б обновить конференс.
Электрогитара вот

глупо

Срывалась вдруг в электротранс, —

На грани разлома, распада,
Должно быть, забывшись в игре,
Как будто вся мощь агрегата
В ее клокотала нутре.

Но это все мелочь, возможно,
И я отступиться готов.

Но как же по-царски
роскошно
Концерт принимали зато!

Давай, мол! Ладоней избитых
В награду не жалко ничуть!
Не жалко,
коль в сердце избыток
Внезапно открывшихся чувств.

Чтоб так реагировать сочно
На комплекс избитых острот,
Наверное, надо досрочно
Закончить весь комплекс работ.

Но вот уже вышла певица
 (А голос пронзительно тих) —
 Соседке моей,
 крановщице,
 Поведать о бедах своих.

Но вот уже — мастер пародий,
А следом за ним — плясуны...
Хохочет бетонщик напротив,
Хохочут его пацаны.

Пред номером оригинальным
Все замерли, восхищены...
То хохот накатит
 повальный,
То гулко — накат тишины...

Искусство сквозь чашу коллизий
Житейских
способно промять

Тропинку,
 чтоб запросто сблизить
И в возрасте нас уравниять,

Хотя и, лишенные позы,
На этом параде утех
Одни вот — смеются сквозь слезы,
Другие же — плачут сквозь смех.

Здесь клуб, а не замок воздушный!
И, видно, большой жизнелюб
Значительно так и нескучно —
«Ровесник» — назвал этот клуб.

Как видно, народ здесь не пресный,
Коль вот, в назиданье другим,
Построил жилище для песни
С хорошим названием таким.

VII. ПТИЦА

Шапочным вышло знакомство —
Такая эпоха!
— Вы, — подсказала, —
На стройку ко мне приезжайте...
— Это неплохо, — сказал я, —
Не чуя подвоха, —
Как вас найду я?
— А вы, — говорит, — поспрошайте...

Утречком рано
Я выехал из «Соктахана»
(Как мне в гостинице этой жилось
По-домашнему просто!

Как говорилось
Под чай, за горячим стаканом,
И, разумеется,
 ради знакомства,
Под «по сто...»)

Я «поспрошал» —
И ответил мне сварщик несложно:
— А над тобою! —
И сам отвернулся культурно.
Тут и увидел я
На высоте невозможной
Клетку,
 прибитую ветром
К опоре ажурной...

Эй, крановщица!
Эгей, поднебесная птица!
Мне — не обняться,
Мне — словом с тобой обменяться!..
Как бы ко мне вам
Спуститься?
Или же мне к вам
Подняться?

Выпало мне...
(Я прошу вас: не лазьте на краны!)
— Здравствуйте! — вымолвил
И с удивлением замер:
Дымкой окутанный,
Мир открывался бескрайне
И воспарял,
Ограниченный лишь небесами...

— Что, непривычно? — спросила.
— Нет, просто отлично!
Что-то, не помню, смущаясь,
Еще говорил я...
Было невзрачным
Ее оперение птичье,
Руки ж скользили
согласно,
Как легкие крылья.

Даже в спецовочке грубой
Была она хрупкой
В этом соседстве
С педалями и рычагами...
— Вы мне ответьте, воробышек
Или голубка,
Как же отныне с домашними быть
Очагами?

— Как с очагами? —
Она повторила, не глядя. —
Мы — на работу,
Потомка шкодливого — в ясли...
И рассмеялась,
Тряхнув золотистой прядью:
— Ах, вы не бойтесь!
Очаг не от этого гаснет...

— Вы же, — сказал я, —
Подходите чисто практически!
Птица вздохнула:
— Давно не ходила на танцы я!.. —
И улыбнулась:

— Очаг-то у нас —
электрический!

Чтоб не потух,
вот и строю я
Электростанцию!..

Вот озорница какая ты,
Птица-синица!
Солнце трудилось,
Разбуженный край украшая...
Что ей ответишь?
И мне оставалось проститься.
— Вы не заблудитесь?
— Нет, ничего. Пспрошаю...

VIII. ПРОГУЛКА ПО СТАРОЙ ЗЕЕ

Прошу:
не верьте болтовне,
Что я по старой Зее
Болтался в поисках жене
На платье
бумазеи.

И более — не оттого,
Что, измотавшись люто,
Искал для сердца своего,
В конце концов, — уютя.

Есть для того иной приход,
Хотя и богохульный,
Но там
так трепетно цветет
На столиках багульник!

Ах, Зея старая!

В тиши

Среди дворов тесовых
Так слазит сладостно с души
Весь антураж басовый.

В снегу районный городок,
И, как зима, печален —
И парк, и этот уголок,
Где местный дом печати...

Ах, Зея!

Как тебе к лицу

Лик лиственницы грустной
Среди домов — венец к венцу,
С резьбою безыскусной.

Как красят эти кружева
Полпредов предков наших!
Наверно, был он голова,
Мастеровой Елташев!

С чего б, нелишне погадать,
На нас, таких ученых, —
И вдруг нисходит
благодать
От завитков точеных?

И замирает —

объясним

Подобный факт едва ли —
Перед карнизиком резным
Поклонник вертикали?

Стандарт не стерпит мировой
Кривых излишеств вызов!..
А чем-то

 тот мастеровой
Душе смущенной близок.

Не зря ж,
 под речи свысока
(Тут — ушки на макушку!),
Сама
 в блокнотике рука
Рисует завитушки.

А предок — что?
 Душа чиста,
Хоть кое-где и пятна,
И только
 вертикаль креста
Была ему понятна.

Он ставил сруб, как есть, литой,
Чтоб жить и размножаться,
Потом — карнизик
 под стрехой,
Такой — чтоб любоваться.

Такой — чтоб самому потом,
Измаявшись в извозе,
Вдруг замереть, увидев дом,
Сняв шапку на морозе.

Он трудно жил и не спеша,
Как жизнь его крутила!

Но как скреблась внутри
душа,
Все выхода просила!

Ведь поболает и умрет
Без воздуха и неба.
Вот так просасывает лед,
Почти задохшись, нерпа.

И словно вздох
души живой,
Был этот росчерк вязью
Меж синевой
над головой
И площадною грязью.

И в этом, Зея, твой урок:
Впряги-ка мощь ГЭС строя —
Такое сгрохают — дай срок! —
Вместилище людское!

И вот, где путался впотьмах
По переулкам бражник,
Поправ права на терема,
Возник пятиэтажник.

Но, эру новую открыв,
Средь старины щемящей
Он безобразен,
словно взрыв
Средь заповедной чащи!

Мне друг сказал:
— Ты прав, мой друг,
Как это ни банально.

Но поживи-ка без услуг,
Без этих,
коммунальных?..

А пеплом посыпать главу
Ему — чего бы ради?
А я и сам в таком живу
В полустоличном граде.

Но здесь — занозою в глазу,
Хотя и прогрессивно!
Скажу,
боясь навлечь грозу,
Такое — не от силы.

Оно — от слабости, скорей:
Потребности и смета...
От силы нашей
рядом с ней,
Со старой Зеей, — Светлый.

Поселок тот
среди тихих роц
Прижился так любовно!
Нас убеждая в том,
что мощь
Отнюдь не бездуховна.

А старина?
Ее вина —
За это не взыщите, —
Быть может, в том лишь,
что она,
Как детство, беззащитна.

Что в себе — этот первенец зейский —
Затаил богатырскую мощь.

И взойдя под руками рабочих,
Что и ласковы так, и сильны,
Вон — смотрите! — зажег огонечек,
Что замечен на карте страны...

Он работал легко и усердно.
Все же,
 сквозь микропору подошв,
Достигая не разума, — сердца,
Пробивалась неясная дрожь.

Или силы под ним водяные
Вымещали на лопастях злость?
Или были
 ремни приводные
На земную накинута ось?

Что тут скажешь?
 Вот это работа!
Не опасны ли шутки с огнем?
Разгоняет
 неслыханный ротор,
Что источником жизни зовем!

Толку что — уповать на молитвы.
Пусть вращается ротор быстрее,
Чтоб в искрящемся поле магнитном
Поле Родины стало щедрей!

В том еще убедимся воочью,
Выше нету его правоты!

Ведь не зря ж
положительный очень
Сердце греет заряд доброты...

...Скажет скептик, мол, судишь огульно.
Но с чего же — средь зимнего дня! —
В десять веточек
зейский багульник
Вдруг расцвел на столе у меня?..

ВЫСОКИЙ ДЕНЬ

Метут снега,
 цветет сирень,
Судьба под листобоем...
Несу в душе
 Высокий День,
Подаренный тобою.

Когда смыкались облака
С минутой каждой гуще,
Он мне светил издалика
Сквозь чашу дней грядущих.

Когда обиды
 вещмешком
Оттягивали плечи,
Он мне призывным светлячком
Пульсировал навстречу.

Я знал. Я верил.
 Как в бреду,
Я шел к нему без тропок,
Как будто был он на роду
Предсказан гороскопом.

И над урочищем глухим
Его приход с востока
Мне возвестили петухи
На зоревой протоке.

Светлело небо между круч,
И солнышку пора бы!..

И вдоль протоки первый луч
Легко скользнул по ряби.

Дрожала трепетная нить,
Как будто в мир обманный
Светило,
 не решалось всплыть
Без грамоты охранной.

Но День дыханьем овладел
И перешел в движение!
Вот дрогнуло в густой воде
Земное отражение.

И ветер тронул провода,
Как опытный настройщик,
И, с высотой не совладав,
Упала птица в рощу.

И в этот миг — знать, по всему
Явило утро милость —
Навстречу сердцу твоему
Мое
 заторопилось!

И все стремительней разбег,
Короче расстояние —
О, этот бег двух горных рек
К желанному слиянью!

Мир замер птицей на лету.
И оглушил округу
Звон капли,
 где-то по листу
Ударившей упруго.

Он был — как будто неземной,
Неизъяснимо дивный,
Тот звон,
 открывший временной
Отсчет судьбы единой.

Так всегда и бывает.

Но все же...

Скоро листья в лесу опадут.

Неспроста ведь «гусиною кожей»

Этим утром подернулся пруд.

Научи меня, лес опаленный!

Почему же, склоняя главу,

Не завидует

вечнозеленым

Березняк, растерявший листву?

Может быть, отвергающий зависть,

Он хотел бы уверить теперь

В том, что право на светлую завязь

Невозможно

без горьких потерь?..

Он потери в апреле оплачет

Сладким соком на белой щеке...

Вон бежит по-над берегом мальчик,

Тонкий прутик зажав в кулачке.

И трепещет в слепом озаренье

Желтый листик на встречном ветру...

Вопросительный знак

в оперенье —

Серый гусь на озябшем пруду.

Я пришел к тебе злой и неправый,
Как предчувствие черной беды.
Словно что-то во мне от потравы,
От ознобной осенней воды.

Дорогая, не надо браниться,
Бранным словом беду не залить.
Ты одна мне —
и храм, и больница,
Кто сумеет еще исцелить?

Белой выюге не выстудить крова,
Где живет, неподвластное лжи,
Средь судьбы —
милосердное слово...
Так скажи его, слышишь, скажи!

Тихо-тихо —
и кротко, и кратко,
Как умеешь ты только одна,
Чтоб предчувствие
выплакать сладко,
Чтоб душа бы прогрелась до дна...

УТРО

Уже и звезды гасли неприметно,
Прорезывались избы, деревья,
И брезжили в душе моей рассветно
Простые, первобытные слова.

Уже от озера

с названъемъ Кизи

Туманом отходил глубокий сон.

Но все казалось, что в преддверьи жизни Мир в чем-то главном не был завершен.

И, словно бы в ответ на эти мысли,
Раздался скрип негромкий в тишине —
И женщина

с веселым коромыслом

Явилась миру спящему и мне.

Она ступала по-крестьянски мудро,
И плыли ведра, чуточку дрожа.
Приветливо и внятно:

— С добрым утром! —

Упало в утро каплею дождя.

И лик ее улыбка озарила —
О, да пребудет женщина в чести!
И все живое

вдруг заговорило —

Вскричал петух, и дятел зачастил.

ПЕРЕВАЛ

Г. Граубину

Стой, шофер — лихач бывалый,
Не смейся народ честной!..
Перед самым перевалом
Пункт
 контрольно-пропускной.

Не гляди с ухмылкой, криво,
Снегирева Кольки брат!
Можно запросто с обрыва,
Как и Колька в аккурат.

Техосмотр.
 Глотая ропот,
Черта руганью не зли:
Самолично этот штопор
Им закручен в глубь земли.

По его крутой спирали
Заползаем в облака.
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука!

На последнем напряженье
Нестерпим моторный вой.
Дьявольское искушение —
С маху в пропасть головой!

...Сник подъем на повороте,
Ну теперь полегче — спуск.
Только в сердце побороть бы
Дикой скорости искус!

Да еще — держи педали!
Разнесет наверняка! —
Тормоза бы вдруг не сдали
Да не дрогнула б рука...

Все. Спустились.

Дальше — скатерть,
Можно ехать налегке.
Что-то прыгает некстати
Папирочка в руке.

Шмыгнул носом: «Ну и шельма!»
А теперь давай, гони!..
Что так смотришь
задушевно
На инспектора ГАИ?

Что так едешь,
словно тропкой,
Неторопко, не спеша?
Знать, товарищ мой неробкий,
Не пришла в себя душа.

Мы еще с тобою в силе,
И в глазах еще — гроза!
Только б нас не подводили
Сердце, руки, тормоза...

Вспомнил, контуженный
До одуренья бессонницей,
Под самолетный,
По окнам ударивший гул,
Дальний поселок
горняцкий
По имени Солнечный —
Словно по лучику к солнцу
Из ночи шагнул.

Помнится, был я нелеп,
Точно хлюстик нафабранный,
В модных штиблетах
Пижон из журнальчика мод
В чреве грохочущей
Обогатительной фабрики,
Где совершался жестокий
Руды обмолот.

Камни крошила
Железная сила крутая,
Мутные воды текли
Лабиринтом запруд...
Шел я за гидом своим,
Напряженно вникая
В смысл и механику
Обогащения руд.

Гид-инженер,
Исчерпав красноречие в числах,
Свел объясненья
К идее наивно простой:

— Обогащать — если проще, то значит —
Очистить,
Значит, руду отделить
От породы пустой...

Так он сказал —
Упрощенно,
Но как убедительно!
Мельницам верьте,
Умеющим камни дробить!
Это доказано фабрикой
Обогащательной:
Обогащаться —
Не значит богатства копить.

Что возразил бы на это
Мой близкий знакомый?
Грохоту — звяканьем
Авто-, домашних ключей?
Как он выхаживал важно
Дорожками комнат
Под неотступным присмотром
Надменных вещей!

Даже порой философствовал
О мирозданье
И прогнозировал
«В свете конкретных задач».
Но выходило,
Что все мирозданье
Раздали,
Все,
По кирпичику все —
На строительство дач...

Долго вникал я в процесс тот
Железно несложный,
Шел за потоком,
Исследуя все этажи,
В поисках смысла,
Как будто тропинкой тревожной,
Обогащения руд,
А быть может, — души...

Чем обросла она в жизни,
Такой скоротечной,
За частоколом
Душеспасительных фраз,
Если свой взгляд человек
Вдруг отводит от встречных,
От обжигающих болью
Измученных глаз?..

Но — это чудо!
Звездой из глуби Вселенной
Лучик слезы проблеснул
Сквозь надменную спесь —
Словно б невидимой вкрапины
Вспышкой мгновенной
Нам из породы металл просигналил —
«Я есть!»

«Есть!» — значит, сто́ит! —
И вот, напрягаясь безжалостно,
Фабрика свой обмолот начинает
Крутой...
Люди, прошу вас,
Обогащайтесь, пожалуйста!
Тяжко душе
В заточенье породы пустой...

Павлу Халову

Столичный город побережья
Не очень пришлых уважал:
На тридцать особей приезжих
Гостиный дом в два этажа.

Я номер в нем снимал роскошный
С командой судна, на двоих.
А дождь хлестал, как заполошный,
И закисал ремонт у них.

И этот быт, вполне приморский,
Не скрасит электротитан.
— Погодка капает на мозги, —
Скрипел зубами капитан.

Ругался он, сутуля плечи
У дребезжащего окна.
Хрипел старпом: — Погодка шепчет:
Продай бушлат — купи вина...

Ах, эта чертова погода!
И мы тут, право, ни при чем...
Мы после первой рюмки водки
Разговорились горячо.

И самые из самых случаев
Припоминали, захмелев:
Как карусель норд-ост раскручивал,
В Охотском море, озверев.

Как доставали гребня мачтой,
Как обрастали гиблым льдом...
И выразительно, и смачно
Чистил ремонтников старпом.

— Собачья жизнь! — брюзжал механик.
И стали все на том пиру
Тепло гостиничное хаять —
По всем, как есть, статьям «дыру».

И одержимостью их пронят,
Кричал я, надрывая грудь:
— Какой вас черт, ребята, гонит
Скитаться, мерзнуть и тонуть?!

Быть может, слава? Или гроши?..
Старпом, оборотясь ко мне:
— Ты погоди-ка, друг хороший, —
Сказал в неловкой тишине. —

И гроши, что ж. Да наш целковый —
В сто сухопутных. Вот вопрос...
— А я романтик! — бестолково
Вскричал дурашливый матрос.

А капитан: — Нас не заманишь,
Как дуру-птицу на манок...
— Там чаще маму вспоминаешь, —
Сболтнул зеленый штурманок.

И тут пошло!
— Раскис, салага!..
— Скучает... Мамочку ему!..
Но захотелось вдруг заплакать,
Не мне, наверно, одному...

У пирса будней на приколе
Не прогорела бы во мне
Вот эта жажда —

выйти в море
Навстречу яростной волне.

Чтобы с погибельно высокой —
С нее

увиделось опять
Все, что немыслимо далеко,
Все, что вблизи не разобрать.

Чтоб сквозь предательскую слабость,
Ладонь на леере замкнув,
Ты понял вдруг — какая сладость
Припасть к родимому окну!

И боль, что ты надежно спрячешь,
Таким прохватит сквознячком,
Что вспомнишь после —
и заплачешь,
Средь поля падая ничком.

И мелочному не подвластен,
Поймешь, чем надо дорожить...
Кто знает, может, в том и счастье —
Однажды это пережить...

Я провожал их на причале.
Их лица были — как во мгле,
Как будто
не принадлежали
Они уже родной земле.

И все не мог я

самых важных

Найти — и мучился вдвойне! —

Прощальных слов,

чтоб им однажды

Вдруг вспомнились на той волне...

НОЧЬ НА АМУРЕ

**Воду черную морщина,
Теплоход легко бежит.
Мерно стучает машина,
Мелко палуба дрожит.**

Звезды бродят в черной бездне
Среди облачных террас...
В третьем классе едут песни,
В первом классе — преферанс.

Это так несовременно.
Если в мире тишина,
Если рядом
откровенно
Первобытная страна.

Волн глухое лепетанье,
Древний выговор реки...
Здесь живут островитяне
Всем эпохам вопреки.

И в ночи собравшись кланом,
Важно судят о делах,
Упоительно и плавно
Няньча трубочки в губах.

Судят, головы морочат:
Дескать, трудно стало жить.
Утонула оморочка —
Надо бога ублажить.

О рыбалке, о погосте...
И особый грамотей
Все запишет на бересте
Рыбьей костью без затей.

Все как есть обсудит племя,
Отойдет ко сну народ...
Ночь, глубокая, как время,
Втягивает теплоход.

И проваливаясь в бездну,
В даль, сокрытую для глаз,
В третьем классе едут песни,
В первом классе — преферанс.

Когда в предветрии заря
Ложится на залив Опричник —
Впрямь что-то есть в его обличье
От стража грозного царя.

Как бы под кожей желваки,
Он перекачивает волны...
Междоусобицы и войны
Готовят тайные враги.

К расправам лютым и боям
Пребудет страж всегда готовым —
Ведь ничего,
 опричь худого
Не ждет опричник от бояр...

Залив, я здесь. Я не забыл, —
Жестокости твоей свидетель, —
Как ты однажды на рассвете
О скалы сейнерок разбил.

За что? Ответствуй!
 В бурной мгле
Искал защиты он, увечный!..
Не отвечает
 со зловещей
Ухмылкой на крутом челе.

Он так живет — не укрощен,
Без угрызений, без боязни...

С былым

какой-то смутной связью

Я до глубины души смущен.

Сквозь сон до первых петухов

Залива слышать буду вздохи,

Как бы дыхание эпохи,

Придавленной пластом веков...

ВЕРА

Когда смертельно тяжелеют вежды,
Попробуй вырвать из корявых рук
Соломинку —

последнюю надежду,
Когда разверзся омутом недуг.

И от лобзаний истончались мощи,
Теряя, так сказать, товарный вид.
Но — церковь!

Церковь бдила денно, ночью —
И вот уже из-под могильных плит —

Новехонькие мощи — подтасовка!
А чьи — и дьявол сам не разберет.
Паломники вступали в потасовки —
Так жаждал исцеления народ

От хвори, от напасти високосной,
Чтоб вскорости и чтоб наверняка
(Спасите их,
изломанные кости
На дыбе кончившего варнака!)

Слепая вера... И объявлен пастве
Бесовским наваждением прогресс
(Хотя
лобызостойкие пластмассы
Нужны в ту пору были позарез).

Слепая вера...
Лучших богомазов
Сбирала церковь под своим крылом.

Но что это?

Никак с иконостаса
Вдруг трепетным повеяло теплом!

Как оживились мучеников лики,
Подайте чашу им — воды испить.
Никак под кистью мастеров великих
Они на смертных
стали походить?!

Вот мученик — ему бы в поле с плугом,
Как будто сам он верит только в хлеб.
Как исцеляет этот
от испуга,
Сверкая взглядом: «Ты пошто ослеп?»

В святых очах вдруг заиграло чувство!
Задумались, жалея и скорбя...
Слепую веру
укрепить искусством...
А человек в святых узнал себя!

А богомазы за церковной дверью
Плоть воспоют, переступив порог.
А там уже и шаг
до новой веры:
Я — человек, а значит — я и бог!

ПЕРЕД ЗАУТРЕНЕЙ

Заря угрюмых стен собора
Коснулась, благостно светла,
Боярской шапкою собольей.
Засеребрились купола,

И осиянно, благолепно
Кресты тянулись к небесам,
И в потайную дверь к молебну
Прошел архиепископ сам.

Всяк к богу со своей нуждишкой,
Шел люд к молитве, не строптив...
Какой-то тихий мужичишка
Стоял собора супротив.

Он, взглядом мера колокольню,
Застыл, шапчонку теребя.
Какою думой в час покойный
Терзал он
 темного себя?

О чем он думал, встав поодаль, —
И богу то не разгадать.
Про разорительную подать?
Или про божью благодать?

О том ли, что с такой-то кручи —
Уж тут была иль не была! —
Вельми испробовать сподручно
Утайно сделаны крыла...

КАРТИНА

Искусства знаток не тонкий,
Ее заказал командир:
Таков уж закон приемки,
А он-то — не из придир.

Закон — и, смутясь неловко,
Он сам подсказал сюжет.
Отныне
 к подводной лодке
Особых претензий нет.

И вот — одинокая бухта
И ветхий рыбацкий дом.
И
 начинается утро
Лазурью на голубом...

Как долго, уйдя по приказу,
В глубинную канув тьму,
Не просто — родную базу,
А солнца не видеть ему.

Но это его не гложет,
Добро еще — не война.
Не гложет,
 да сердце не может,
Не может жить без окна!

И вот, улучив минуту,
Когда отпустит приказ,
Останется он в каюте
С картиной с глазу на глаз.

И может быть, — солнцем из морока, —
Всплывет сквозь этот этюд
Все то,
 что щемяще дорого,
Что Родиною зовут...

Картина написана с чувством,
Подводнику повезло,
Хотя
 большое искусство,
Конечно же, обошло.

Но видно, не вся в том мудрость,
Чтоб — с бронзовым ярлыком,
А важно, чтоб было —
 утро
И море, и тихий дом.

Мирок этот, скромно обыденный,
Как жизни самой исток,
Что, может, лишь сердцу и видимый
В особый его перископ.

ПОСЕЩЕНИЕ СТАРОГО ДОМА

«...Приют спокойствия,
трудов и вдохновенья».

А. П у ш к и н

«Закрывай, Василий, душу,
Не выстуживай себя!»

В. Ф е д о р о в

...И вот пришел я, памятью ведом.
Давно тянуло, словно бы магнитом,
По улочке пройти незначенитой,
Чтоб встретиться с тобою, старый дом.

Вот старый дом мой — долгие года
Он мне служил, так славно привечая
Приютом, дорогим и беспечальным.
А иногда — печальным. Как — когда...

И нет уже перильцев у крыльца.
Дом утонул среди деревьев пышных.
Сомкнулись ветви тополей над крышей,
Лишь проблески окон, как озерца.

Лишь проблески окон, как зеркала,
Из прошлого мне зайчиком сигналият.
Души коснутся — и растопят наледь,
И уголечки обнажит зола.

К сухой стене я приложил ладонь —
И словно слабый ток прошел по венам,
Как будто все еще хранили стены
Былых страстей бушующий огонь.

Как будто я коснулся на стене
Невидимых контактов связи дальней —
И враз разноголосьем коммунальным
Загомонило прошлое во мне.

Не криком скряг и шепотом дельцов,
Не коридорным спором о посуде —
На чистом языке душевной сути,
Что не был в обиходе у жильцов.

Вот слышите:

«А я вас не просил...

Кто я — извольте: горький неудачник.
Всю жизнь листаю бытия задачник,
А ни одной задачи не решил.

Предчувствую: меня на склоне лет
Сведет с ума запутанность коллизий.
Устал от глаз, глядящих с укоризной:
Где результат работы, дармоед?

Вчера удачу я держал за хвост —
Загадкой обернулась вдруг удача.
Теперь тревожит новая задача:
Что есть удача — вот ведь в чем вопрос...»

Философ наш — чудака из чудаков!
Сухой, как жердь, носат и старомоден.
Ни при какой погоде был не годен
В герои он лирических стихов.

Ох, как над ним острили «хохмачи»!
Он был бухгалтер домоуправленья
И помнится, имел обыкновение
Со звездами беседовать в ночи.

«Как с ним живу?

Таких не сыщешь дур!

И не мечтаю я о жизни сладкой.

Но он, как червь, копается в тетрадках,

А я ведь баба, хоть и штукатур.

И так всю жизнь вздыхаю и терплю.

Ребенка бы, да жили бы, как люди...

Ведь не прошу я золота на блюде!

Сама не знаю — и за что люблю?..»

Жена философа уткнулась в фартук...

«За что люблю?..»

Ответьте поскорей!

Философы застыли перед фактом

Беспомощности логики своей.

«За что люблю?..»

Кто объяснить бы смог?

Вот здесь, я помню, жил работник треста.

Когда с женой прогуливались вместе,

Он все ее держал под локоток.

Был молодым, все делал на бегу.

И как-то вдруг остался без подруги.

Рыдает:

«Что она нашла в пьянчуге? —

И до сих пор понять я не могу...»

А был он, вправду, парнем пробивным:

В коврах жилье, рояль и холодильник.

А тот, другой,

болтался по пивным

И из воды сухим не выходил он.

Что в этой тайне человек познал
С тех пор, когда супруге Минелая
Красавцев всех и мужа стал милее
Тот, кто позором Трою запятнал?..

.

А здесь вот, где сейчас окошка нет,
(Как я успел дом посетить до сноса?)
Жила «предмет особенного спроса»,
Как окрестил ее один сосед.

Екатерина из квартиры пять,
Блондиночка, взрывная, как пружина!
Она тогда со многими «дружила»...
В итоге — не хотите ли узнать?

«Тс-с-с... Тише... Спит...

Вы видите — мой сын.

А добренький, не правда ль, получился?..»

(Он крепко спит. Он явно из мужчин,
И только что счастливо обмочился).

Он крепко спит — воробышек, птенец,
А мать над ним большую жизнь пророчит.
А в метриках его зияет прочерк
В том месте, где помечено — «отец».

А был он, был.

Увертлив, точно тать,
По вечерам, уверенно красивый,
Он приходил с бутылкой «керосина»
И до утра тонул в квартире пять.

А Колька-шкода — оторви да брось! —
Сосед, терпя мамашины побои, —
Он вымещал при помощи помоев
На госте неосознанную злость.

Его ремень неистово лупил —
С характером была у Кольки мама.
«А пусть не ходит!» — он кричал упрямо.
Он тетю Катю, Колька наш, любил.

Красавчик смылся — Катя родила.
Ей Колька помогал — он лез из кожи:
В аптеку бегал, в магазин...

Он тоже

Рос без отца — такие вот дела.

И под воздействием малышей слез —
У Кати в этот день была запарка —
«Пусть, тетя Кать, тот ходит без опаски», —
Он как-то виновато произнес.

«Что ж, пусть придет, — ответила ему,
На миг от стирки оторвавшись, Катя, —
А мы его помоями окатим!»
И рассмеялась: «Нам он ни к чему!..»

.

А этого на свете нет уже.
Был одинок. Я так о нем жалею!
К нему входили, как в оранжерею.
Еще — любил беседы о душе.

«Мне не дано уж в облаках витать,
Но будучи и немощным, и хилым,
Я помогаю росту хлорофилла,
Чтоб эту землю солнцем пропитать.

И говорят, я неплохой садовник.
Но за какие, собственно, грехи
Мне дан сосед. Спасите от содома!...»

(Сосед садовника: «Хи-хи-хи-хи...»)

Садовнику простим высокий слог.
Считалось, что он в чем-то ненормален:
Тут деревцо нечаянно сломали —
Представьте же себе: садовник — слег!

Не выбиться — мы скажем наперед —
Ему в герои современной прозы:
Подумаешь — березы, розы, слезы...
С приветиком, папаша! Не пройдет.

А вот сосед его — литая грудь! —
Справляется с задачей антипода...
Вот этих антиподов бы — да в воду!
Нам было от него — не продохнуть!

Садовника заслушивался я.
И смысл его бесед за чаепитьем
К тому сводился,
 что все жизни нити —
В душе — первооснове бытия.

«Чтоб поднималось древо в высь,
Земля должна быть плодородной.
Душа должна быть
 благородной,
Иначе же — какая жизнь?!»

Он говорил:

«Я не слабей
Других — не задрожу от крика.
Боюсь не крика я,
а скрипа
Чужих шагов в душе своей.

Боюсь, когда под скрип пера,
Не разграничив правду с ложью,
«Выводят выводы» —
как лошадь
Выводят воры со двора.

Все ищут «ключ к душе чужой»
(Как не любил он эту фразу!),
А как найдут — так в душу сразу,
Не в одиночку, а толпой!»

Я спорил:

«Это ж не от зла!
Ведь вот Екатерина — тонет...»
А он:
«Не тонет, брат, а стонет
Душа у Катьки без тепла».

А он свое упрямо гнул:
«Все лезут, встречный-поперечный.
Ждать не хотят, чтоб сам навстречу
Хозяин двери распахнул...»

А я же молод был — и стариков
Понять был неспособен. Словно в чаше —
«Пусть настезь дверь!» — провозглашал кричаще.
Короче же, еще был бестолков.

Вещал:

«Боюсь закрытой, как порока.
Пусть настежь дверь, хотя бы потому,
Чтоб перешла через порог дорога
И подступила к сердцу моему...»

От тех стихов впадал философ в грусть,
Я понимал: смущала нелогичность.
Садовник же молчал демократично...
Но от всего ли ныне отрекусь?

Вот черновик — весь в пятнах, как прожженный:
«Прощай, жена!

Опять в дорогу мчу.
Молчит сосед купейный отрешенно,
Молчит еще. И я пока молчу.

Но вот он папиросу вынимает
И спрашивает:

«Можно прикурить?..»
Но я-то вижу, я-то понимаю,
Что хочется ему
поговорить.

Поговорить — что хлебом поделиться!
И значит, перейдя души порог,
Во мне, случайном,
как бы поселиться
На некий неопределенный срок.

Я открываю двери новоселу:
Входи, входи,
я рад тебе — селись...
И, как поленья, пламенем веселым
Слова беседы нашей занялись.

Слова — дрова. Им полахать невечно...
И может быть, не стану я жалеть,
Когда исчезнет тихо и беспечно
Души сугубо временный жилец.

Уйдет — как из вагона на перрон...
Но вот однажды, в час осиротелый,
Почую: а на сердце потеплело!
И вдруг пойму, что возвратился он...»

Но вот, мой дом, и возвратился я.
По коридорам, словно старой штольней,
Брожу, жилец твой,
а быть может — школьник
Из школы коммунального бытья.

Из школы, чья наука такова:
Чтоб мирно
в мире жить неидеальном,
Умению жить домом коммунальным
Нам научиться следует сперва...

Так грустно мне, мой дом, в твоей тиши!
Смотри, и половицы провалились...
Как будто разом все вдруг испарились,
Переселившись в быт моей души.

Удастся ли еще мне лицезреть
Тебя, наш доморощенный философ?
Постиг ли средь загадок мира
способ,
Чтобы родную душу отогреть?

Как поживает, Катя, твой сынок?
Я помню, как забавно лопотал он,
И весело под взглядом твоим талым
В твоей душе бесчинствовал, как мог.

А тот, чей смех — скорей, воронье «кар-р...»,
С собой увез запас своей отравы?..
Как хорошо,
на ветерке, на славу,
Переселяясь, выбить старый скарб!

Прощай, мой дом.

Ведь жизнь стоит на том:

Не мы — она нам сроки отмеряет.
И старое тихонько отмирает...
Но рядом возникает новый дом!

.

Последний мусор вынесли
Из дома за порог.
Остались в доме

вымыслы

Девчонок-маляров.
Измазанные,

рыжие —

Они давно ушли.
Лишь сквозняки охрипшие
И больше — ни души.

Беленый

и покрашенный,

Веселый и ничей...

Еще не знают скважины
Сквалыжников-ключей.

Ни коврики,

ни слоники

Еще не взяли в плен

Полов

и подоконников,

И выглаженных стен...

На новый дом растроганно,

С сочувствием гляжу.

Со смутною тревогою

Я в новый дом вхожу:

Хочу, мол,

посочувствовать,

Терпенью обучить...

А в доме

солнце буйствует,

Столбом кипят лучи!

Во всем —

в полах и в извести,

И в газовой плите —

Заложен принцип

близости

К великой чистоте.

Ну, как такую выпачкать

И опорочить — как?..

Я перед ней

на цыпочки

Перевожу свой шаг.

По половицам крашеным,

Стыдясь, я выхожу.

Вчерашнее

из завтрашнего

Дома

выношу...

Хорошо, как отстоится
Тишь в родительском дому,
Не пугая половицы,
Из сеней шагнуть во тьму...

Ах, как в небе полуночном
Густо высыпало звезд!..
Вспомню

 в мире непорочном
Все знакомое до слез,

Что в пути необратимом
Годы выжечь не смогли.
Станет сердцу ошутимей
Притяжение земли.

Будто, слепо ткнувшись в вечность,
Повернуло время вспять...
Можно здесь

 любую млечность
По звезде пересчитать.

Эти звезды с неба слижет
Ветра белого поток...

Может, вправду,
 к небу ближе
Сердцу милый уголок?

КАМЧАТСКИЙ РЯЗАНЕЦ

Когда над Камчаткой воздела
Косматые длани пурга,
Мне выпало душу и тело
Согреть у его очага...

Хозяйка готовила спешно
Еду, выставляла питье,
И яблоки
 чудом нездешним
Труды увенчали ее.

И помню еще: ненароком,
Как облака легкая скань,
В беседе всплыла издалека
Родная их сердцу Рязань,

Где смотрится в тихую Трубеш,
Собою любуюсь, собор...
— Уедешь, а вот не отрубишь, —
Хозяин свернул разговор.

И тронула сердце остуда,
Хозяева стихли мои...
На яблоки я им: — Оттуда?
— Да нет, — встрепенулись, — свои.

И тут же:
 — Поверишь ли, с нею
Мы жили здесь, точно в бреду.
Такая тоска,
 что во сне я
Все яблони видел в цвету.

И думал: не выдержу, струшу,
На помощь родню не призвать.
И стал я

 рязанскую душу
К камчатской земле прививать.

Нашлись же и добрые люди:
Советуют, саженцы шлют...
Ну, всякое было — на блюде,
Известно, они не растут.

А яблоки заревом вешним
Светили нам в центре стола...
Желаю, рязанец,
 чтоб вечно
Рязань в твоём сердце жила!

Тоскуй по ней, где бы ты ни был,
Коль яблони с этой тоски
Пуускают под северным небом
Совсем по-рязански
 ростки.

МЕСТНЫЙ ПОЕЗД

Ах, этот поезд дерзкий,
Ему — хоть под откос!
Ни дать ни взять —
 курьерский,
Когда вожжа под хвост!

Тот плавлен так —
 на зависть
И важен так на вид.
А этот же, мерзавец,
Вприпрыжку норовит.

Сосед во сне елозит,
Трясет — невмоготу.
Наверно,
 паровозик
Шурует на спирту.

Но,
 в слабости вникая,
Сказать я должен здесь:
Какая-то
 такая
В нем прелесть все же есть.

Он так людем напичкан,
Что не ступить ногой!
Но он
 демократичней
От тесноты такой.

И жизнь встает в натуре
Из мешанины слов
В людской
 аспирантуре
Тех, местных, поездов.

А то вот, как с разбега
Да в омут, канешь в сон —
И явится
 телега
С травой или овсом.

Трясет ее проселок,
И конь бренчит уздой,
И ты — такой веселый,
К тому же — молодой!

Луга да перелески,
И не в беду — беда...
Такие сны
 в курьерских
Не снятся никогда!

Поверите, быть может,
А может быть, и нет...
О боже!
 С полки все же
Свалился мой сосед!

РЫБАЦКИЕ ЖЕНЫ

Сходят шагом тяжелым
Рыбаки на причал,
И лучистые жены
Припадают к плечам.
И — в обнимку от пристани,
Им плевать на молву.
Пусть молва
 столько выстоит
На туманном молу,
Потомится бессонницей
В равных году ночах,
Чтоб постигнуть
 бессовестность
В честных бабьих очах...

— Где болтались,
 пропавшие?
— Чем прельстил океан?..

Робы, морем пропахшие,
Спрячут жены в чулан.
Спрячут море за шторами —
Не сманило б мужей!
Станут мягко покорными,
Первых ливней свежей...

Подобреют мужчины,
Станут ликом светлы.
И заборы починят,
Перестелют полы.

Будут хаживать пашней
И выкашивать луг...

Только косу однажды
Муж уронит из рук.
И, прислушавшись,

тоже

Вдруг услышит жена:
Там далеко,

похоже,

Бьется в берег волна!
Ходит море раздольно,
Стелет море пути...

Что-то горько и больно
Оборвется в груди.

Я саженец высадил в почву,
Присыпав, полил корешки.
Он в день прибавлял по листочку
(С моей, видно, легкой руки).

А тут вот смотрю — занедужил,
А может быть, кто притоптал,
И, словно обвеянный стужей,
Совсем не по-детски роптал.

И вновь я полил под ним почву,
И к палке его привязал.
Как будто бы малую дочку
От тяжелой болезни спасал.

ИЗ «ЧУКОТСКОГО ДНЕВНИКА»

* * *

Покинул землю самолет...
Певек, прощаюсь.
В иллюминатор
 солнце бьет...
Не омрачайся!
А сквозь моторы —
 птичий гам,
Галдеж в салоне:
«Галчата»
 к южным берегам
Летят с Айона.
И полулежа я гляжу
На ребяташек,
А мысленно
 еще брожу
По тундре рыжей.
Как жилочка,
 наискосок
По тундре речка...
Стрелой из лука —
 голосок
Взорвался резко:
«Смотрите, лес!» —
 кричал пострел
Под визг девчонок,
И на плечи мои взлетел
Сосед-галчонок.
«Лес! Лес!» —
 зашелся самолет

От криков звонких,
И словно зайчики — вразлет —
Вокруг глазенки.

И я

глазами лес искал,
Оставив кресло.
А там — кустарник протекал...
А где же лес-то?
Средь зеленеющих плешин
Темнела хвоя...
Но — «Лес!» —

кричали малыши,

На креслах стоя.

На креслах ли?

На мерзлоте,

На той, на вечной!

В полярной жгучей темноте,

Где звезды — свечкой.

На обожженном валуне,

На льдине стылой!

И потому-то им —

не мне —

Виднее было...

И думал я,

до глубины

Души растроган:

Неужто же

отделены

Полярным кругом

Они

от черствости души,

Как юг от стужи?..

Кричите громче,

малыши,

Чтоб знать, что нужен
И вам, и мне
Полярный круг —
Высотным валом,
Чтоб лучше виделось вокруг
Большое
в малом...

На лица памятью гордился,

В уме примет роился рой:

— Вы про кого?

А, нос с горбинкой...

— Да, да, веснушчатый такой!..

За годы горького изведав,

Стал проще различать людей.

— Вы про кого?

А, тот, что предал...

— А, тот, что выручил в беде!

Заболел я, друзья, захворал.
Где-то женщина дрогнет осиной...
Знать, меня,
 ее блудного сына,
Бывший бог вгорячах покарал.

И тоска — угольками в золе —
По рукам ее,
 трепетно мягким,
По лугам ее,
 пахнущим мятой...
Ах, как пахнет трава на заре!

Мать моя!..
 А бороздки морщин,
Как озябшие ветки березки.
Мы ведь отпрыски,
 дети,
 отростки,
Мы пред гибелью — «мама!» — кричим.

Откликается детство мое,
Словно птицам летящим подранок...
В этой
 тронутой осенью рани
Материнское что-то твое —
В пожелтевших лугах
 (отцвели...),
В том, как ветви деревья смыкают...

Мне тоска по тебе
помогает
Понимать материнство земли.

А луга, а луга-то — в слезах!..
Я приеду к тебе
почаевничать
(Не разбилось ли блюдо с каемочкой?)
И в твоих затеряться лесах.

Встанет лес твой, меня заслоня
От наветов, от бед, от болезней...
Да, надолго
твой светлый березник
От болезней излечит меня...

ЭТЮД С СОБОЛЕМ

Вот, шапочкой увенчана,
На плечиках меха,
Плывет навстречу

женщина,

Покойна и тиха.

Как ангельское —

ЛИЧИКО

Сияет добротой.

Ho...

СЛОВНО ГДЕ-ТО ВЫЧИТАЛ

Я про нее не то.

Так,

ничего подробного,

И дело не мое.

Но чүдیتсҥя

недоброе

В походочке ее.

Идет —

как сквозь переднюю

В своем дому!...

Но вам-то эти сведения

Уж вoвce нi к чeмy.

Давайте полюбуемся,

Не закрывая рта,

Как шествует по улицам

Cama

Красота!

А что до смысла скрытого,

Так то не в счет...

И соболя

убитого

На плечиках несет.

ТРЕПАЧ

До громких не охочие речей,
Когда нуждались очень в балагурах,
Любили мы на общем перекуре
Отъявленных послушать трепачей.

Один такой — ну, помню, заливал!
Качали головой: мели, Емеля!..
То анекдот, то сон.

а то, с похмеля,
О том, как женщин он одолевал.

Так смаковал он, что в печи огонь
Трещал, казалось, от стыда и злости..
Он по поселку слыл

желанным гостем,
А все — за жалостливую гармонь.

Талантлив был, признаться, рыжий черт!
Когда, бывало, он ее растянет,
То в человеке — словно что растает
И по щекам слезами потечет.

Солдатки плакали (а жив ли еще муж?..)
И вдовы — над судьбою горемычной..
Ну, а ему гармонь была

отмычкой,
Не более, для слабых бабьих душ.

Смеялись мы, журили — так, без зла,
И — что скрывать! — завидовали даже...

**И баб за слабость кляли. Но однажды
К нам в мастерскую
 женщина вошла.**

Худая, нараспашку пальтецо,
Она прошла, угрюмо зубы стиснув,
И, подступив вплотную к гармонисту,
Как выстрелила! —
 плюнула в лицо.

Так гармонисту отомстил плевков
За бабью слабость под мужской рукою.
Еще — за что-то высшее такое,
Что я в ту пору и понять не мог.

Опять понесло,
 закружило!..
Родная, прости.
В плену неурядиц я —
Точно кузнечик в горсти.
Попался, накрыли...
Не верь этой ночи —
Распутнице!
Давай погорюем
О злой
И нелепой распутице.
Мне слышен твой голос,
И дверь одиноко скрипит.
К тебе возвращаюсь,
Да темень мне очи слепит!
В плену неурядиц
Я — штормом застигнутый сейнер.
Как бьет его море!
Да только земля —
Не спасенье:
В такую погоду —
Обломки уйдут по волне!
До боли сердечной,
Увечный,
Понятен он мне.
Болтается, грешный,
Ободраны штормом бока,
На привязи тоненькой
Берегового гудка...

ДОЖДЬ

Дождь моего прихода не дождался...

По улицам носились ребятишки —

И хохотали,

и большие солнца

Ножонками дробили, как стекло.

И все вокруг — трамваи и деревья —

Сверкало,

словно в первый день рожденья,

И воздух был шипуч, как газировка,

И небо полыхало синевой.

И мне навстречу улыбался город,

Но все-таки сквозила отчужденность

Меж им и мною,

словно этот праздник

Устроен был совсем не для меня.

Но — почему? Чего мне не хватает?

Но в эту же минуту встречный тополь —

Подросток

с «неудом» по поведению —

Вдруг каплю мне за ворот уронил.

Я вздрогнул.

Замер...

И зашлось дыханье,

Когда она скользнула меж лопаток.

И понял я: недостает дождя!

Дождя!

Дождя, чтоб полоснули струи

По телу, разомлевшему от зноя,

По голове, уставшей от раздумий;

Чтоб грозовые яростные токи

Прошли по струям
и достигли сердца —
И счастьем разрядились наконец!
Все длилось, может быть, одно мгновение,
Пока я думал так,
и в благодарность
За этот миг дарованный прозренья
Упругий ствол я качнул плечом.
Он вздрогнул понимающе —
и тут же
Обрушил на меня каскад дождинок —
Хотел дождя — не жалуйся теперь!
Все это было так по-человечьи,
Что я не мог сдержаться —
рассмеялся!
И, ухватившись за него руками,
Стал с яростной беспечностью трясти.
Давай! Давай!
Одаривай!
Спасибо!
Я опоздал к дождю — а он так нужен,
Чтоб освежить усталый мир и сердце,
И в радости людей объединить.
Еще! Еще!
Чтоб я навек запомнил,
Что в час тоски и в час моей работы
Ты
для меня
упрямо берегаешь
Частицы очистительной грозы!
... И уходя уже,
я наклонился
И различил — едва-едва — травинку:

Она, сгибаясь до земли,
 держала
Огромную и солнечную каплю —
Наверно,
 берегла
 для муравья.

ГОЛУБИ

Разгорелся закат неистово
И асфальт огнем пламенит —
Вот сейчас подошва не выстоит
И отчаянно задымит.

От заката, как у апостолов,
Лица медные у людей...
А над куполом пароходства
Стая кружится голубей.

Вот метнулись в закат вызывающе,
Волей крыльев своих горды —
И как фейерверк догорающий,
Вдруг посыпались с высоты.

Кувыркнулись уже над куполом...
Как мне больно на них смотреть!
Словно впрямь они могут, глупые,
На закатном огне сгореть.

Упадут с небес головешками —
Как же небу без них прожить?
Будут дети над хлебными крошками,
Над неклеванными, грустить...

Но закат отгорел за городом,
На покой сменяется гнев.
И воркуют под куполом голуби,
Не сгоревшие в злом огне.

СВЕРХЗАДАЧА

Как он писал! Легко, с налета,
Не дрогнет складкою чело.
И получалось вроде что-то,
А разобраться — ничего.

И на упреки в неудаче
Не уставал он мне пенять:
Мол, не могу я
 сверхзадачу
Его творения понять...

Учен и молод. И пробелы
Мои пред ним обнажены.
Меня ж учило мыслить
тело —
В его-то годы — в дни войны.

Когда, бывало, после смены,
Не донеся кусок до рта,
Я в сон проваливался смертно,
Не раздеваясь, до утра.

И открывался — с болью, с хрустом
(Стонало тело: каково?)
Смысл сверхзадачи не искусства —
Существования самого.

Такое выпало ученье...
Он с пониманьем мне прощал.
И я со вздохом облегченья
Ему творенье возвращал.

СОДЕРЖАНИЕ

«Спи, доченька. Тихо. Усни...» . . .	5
Бира	6
«Текли эвакуации...»	8
Песня	10
Так они и жили...	11
«Война в начале только. Я в тылу...»	13
Черемуха	14
Сторона дорогая моя...	16
«На первом всплеске вдохновенья...»	19
Одуванчик	20
«На трюме баржи спал я. Снилось мне...»	21
«Мне кажется нестойкой тишина...» .	22
«Перекур!.. Утираючи пот...» . .	24
Чистильщик	25
Из «Хроники памяти» («Мальчишка спит...»)	28
Поиск	30
Из «Чукотского дневника» («Явив- шись вдруг...»)	32
«Любите простые ремесла!» . . .	34
Зейская тетрадь	
I. К спору о славе	36
II. Перекрытие	39
III. Оркестр замолк...	47
IV. Прораб смотрел пейзаж ин- дустриальный...	49
V. Встреча	51
VI. Концерт	53
VII. Птица	55
VIII. Прогулка по старой Зее . .	58

IX. В машинном зале	63
Высокий день	66
«Так всегда бывает...»	69
«Я пришел к тебе злой и неправый...»	70
Утро	71
Перевал	72
«Вспомнил, контуженный...»	74
«Столичный город побережья...»	77
Ночь на Амуре	81
«Когда в предветрии заря...»	83
Вера	85
Перед заутреней	87
Картина	88
Посещение старого дома	90
«Хорошо, как отстоится...»	101
Камчатский рязанец	102
Местный поезд	104
Рыбачьи жены	106
«Я саженец высадил в почву...»	108
Из «Чукотского дневника» («Покинул землю самолет...»)	109
«На лица памятью гордился...»	112
«Заболел я, друзья, захворал...»	113
«Нынче жалобы слушал всю ночь...»	115
Этюд с соболем	116
Трепач	117
«Опять понесло, закружило!..»	119
Дождь	120
Голуби	123
Сверхзадача	124

Михаил Феофанович Асламов

ЗЕМНАЯ ОСЬ

Редактор *Н. Т. Кабушкин*

Художник *Д. Б. Шимилис*

Художественный редактор *А. В. Колесов*

Технический редактор *Л. А. Польщикова*

Корректор *Р. Н. Ращупкина*

Сдано в набор 23/IV 1976 г. Подписано к печати 9/VII 1976 г. ВЛ 05613. Бумага типографская № 1. Формат 70×90¹/₃₂. Усл. печ. л. 4,68. Уч.-изд. л. 4,35. Тираж 10 000 экз. Заказ № 467. Цена 46 коп. Хабаровское книжное издательство Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31. Типография № 1 краевого управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31.

Асламов М.

А 90 Земная ось. Стихи. Хабаровск, Кн. изд., 1976.

128 с. 10 000 экз. 46 коп.

В новую книжку дальневосточного поэта Михаила Асламова вошли произведения последних лет, среди них — большой цикл стихов, посвященных строителям Зейской ГЭС. Через весь сборник проходит образ нашего современника, первопроходца, заботливого хозяина своей страны, воплощающего в делах лучшие замыслы народа.

А $\frac{70402-36}{M160(03)-76}$ 29-76

Р 2

